

ГЛАВА 2. ЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А.Косолапов

С известным допущением правомерна аналогия: международные отношения сыграли в развитии социальных представлений человека в истории примерно такую же роль, как взгляд на небо, размышления о видимой части Вселенной — в становлении и развитии представлений естественнонаучных. Подобно тому, как небо — от «ближнего», обжитого облаками и птицами, до «дальнего», угадывающегося за еле теплящейся звездочкой, — четко обозначало зрительно доступные человеку пределы его физического мира, международные отношения (столь же обманчиво с точки зрения зримости и доступности) являли собой на протяжении всей истории пределы мира социального. Будучи «рубежным полем» между сегодняшним реальным, труднодоступным, хотя и осязаемым пределом и таинственной, неизвестной, но видимой и потому несомненной бесконечностью (своего рода «запредельем»), небо и международные отношения равно будили мысль, воображение, фантазии и прозрения науки (как и религий, и идеологий).

Во многом именно поэтому международные отношения как объект исследования продолжают ускользать от четкого их определения: все самоочевидное идентифицируется (определяется) и квантифицируется (измеряется) всегда с наибольшим трудом. Между тем анализ явления требует прежде всего выделения этого явления из круга других, ему подобных или с ним смежных — то есть априорного его определения.

Явление имеет системный или несистемный характер, при этом сама системность бывает нескольких качественно разных типов. Идеи и представления, отражающие данное явление, также системны (того или иного типа) или несистемны. В процессе познания из отдельных несистемных наблюдений, идей сперва рождается гипотеза — по сути «единица системности» представлений, сама вписанная в некие более широкие концепции, учения своего времени. После чего начинается длительный и трудный (обычно неосознаваемый в этом его качестве) процесс приведения системности представлений во все большее соответствие с системностью объекта исследования. В случае с международными отношениями проблема затрудняется тем, что интуитивно воспринимаемое явление качественно эволюционирует во времени, притом особенно интенсивно со второй половины XX в. Тем самым многократно усложняется задача корреляции системы представлений с изменяющимся объектом анализа.

Системные природа и характер явления международных отношений не вызывают сомнений. Научное отображение явления начинается там и тогда, где и когда в природе, характере, функционировании

и/или протекании явления находятся некоторые константы, инварианты — свойства и качества, неизменно присущие данному явлению при всех его трансформациях, неотъемлемые от него. Что служит такого рода константами и инвариантами применительно к явлению международных отношений и что есть само это явление?

* * *

Русскоязычное понятие «международных отношений» существенно расходится с вроде бы родственным ему «international relations» в английском — языке, на котором почти исключительно создавались пока наука о международных отношениях и теория международных отношений. В русском языке «международные отношения» в изначальном и прямом смысле суть «отношения между народами». Но тогда неизбежен шлейф вопросов принципиального теоретического и методологического значения: где, как, ради чего и почему могли вступать в отношения друг с другом именно целые народы; что это были за народы; как такие отношения строились и осуществлялись практически; какие последствия имели они для самих народов и мирового, локального социально-исторического развития?

По сравнению с русскими «международными отношениями» понятие «international relations» (IR) значительно более богато смыслом и содержательным контекстом. «Relations» тождественно «отношениям». Приставка «inter-» имеет два значения: «among» («в определенной группе, социальной среде») и «between» («между кем-то, кто разделен пространством, чем-то еще, но одновременно и соединен, сцеплен друг с другом этим разобщающим их пространством»). Слово же «nation» является целой концепцией и в этом своем качестве означает не «народ» и не «нацию», но определенный тип государства — мононационального или с доминированием ведущего этноса; государства, сложившегося в Европе параллельно со становлением капитализма, как своего рода предпосылка и первый его результат. IR в строгом смысле этих слов, следовательно, — отношения между государствами вполне определенного социально-исторического и политико-экономического типа, притом отношения, складывающиеся и действующие в среде именно таких (а не иного типа) государств.

Конечно, с течением времени понятие IR в западной литературе расширилось и ныне распространяется на все многообразие текущих международных отношений. Да и в русском языке, говоря «международные отношения», мы не имеем в виду отечественных или иностранных «челноков», вроде бы осуществляющих самым непосредственным образом прямые «отношения между народами». Тем не менее, различие двух категорий имеет далеко идущие политические, идеологические, научные последствия.

Если IR — отношения прежде всего между родственными духовно и социально-политически, экономически государствами, то только такие отношения и могут быть максимально полными и ценными. Тогда необходимо или делить государства на «касты» — цивилизован-

ные, полудивилезованные, нецивилезованные страны, — причем отношения первых с остальными строятся на разных принципах и осуществляются по разным правилам. Между цивилизованными странами все отношения (включая даже войны) основаны на праве. Между цивилизованными и полудивилезованными право действует выборочно, по усмотрению первых. К нецивилезованным право неприменимо вообще. На таких принципах основывалось европейское международное право XIX — первой трети XX вв. Подкрепленная им психология — одна из причин зверств европейцев в колониальных войнах и в России (считавшейся полудивилезованной) при отсутствии таких зверств в войнах внутри самой Западной Европы. Другая, демократическая альтернатива — добиваться того, чтобы весь мир состоял из однотипных и равно цивилизованных государств. Но если такой мир когда-то возникнет, не отомрут ли, не исчезнут ли в нем «international relations»? Некоторые весьма видные западные ученые склонны полагать, что исчезнут, уступив место иным (например, междивилезационным).

Если же «международные отношения» не связаны жестко с данным историческим типом государства, то, по-видимому, они существовали до (возможно, задолго до) появления этого типа и, эволюционируя по собственным законам, сохраняются как явление и тогда, когда данный тип государства уйдет на второй план или даже в прошлое. Но тогда «международные отношения» — не что иное, как конкретный сиюминутный, реально осязаемый срез мирового развития. В таком случае где граница между первым и вторым, в чем общее и различия в содержании каждой из двух категорий? В отечественной литературе встречается и иная крайность, например, что международные отношений охватывают собой разные сферы общественной жизни — от экономических обменов до спортивных состязаний. Правомерен вопрос, допустимо ли относить к международным отношениям транснациональную организованную преступность? Не размывается ли сама категория «международные отношения» от столь расширительного ее понимания? Тем не менее, русскоязычная интерпретация понятия «международные отношения» представляется в научном плане более интересной, емкой и продуктивной.

За этими терминологическими различиями — трудные поиски и споры об объекте и предмете науки о международных отношениях вообще, теории международных отношений в частности. Объект — реальность, существующая независимо от того, изучает ее кто-то или нет. Что составляет реальность международных отношений? Что такое вообще реальность в приложении этого понятия к отношениям — явлению, существующему исключительно в мире субъектов (между объектами никаких отношений быть не может, как и между объектом и субъектом)? Предмет же — та грань объекта, которую изучает данная наука. Какую именно грань какой именно реальности изучает наука о международных отношениях? Очевидно, для ответа необходимо попытаться проследить эволюцию самого объекта.

* * *

Когда возникло явление международных отношений? Или, в иной постановке того же вопроса, при отсутствии каких необходимых и достаточных условий, какого комплекса их организации (поскольку одни и те же условия, но по-разному организованные, обуславливают и различное качество текущих и исторических социальных явлений) говорить о наличии явления международных отношений заведомо нельзя (еще или уже), а при наличии каких — можно, хотя бы предположительно? Правомерно ли, в частности, считать международными отношениями войны Рима с варварами, завоевания Александра Македонского, этнофеодалные распри Европы раннего Средневековья, борьбу русских княжеств, а потом государства Московского против Золотой Орды? Интуитивно да, правомерно. А войны Афин со Спартой, междоусобицы скандинавских, германских, англосаксонских, русских земель и их предводителей? Здесь ответ уже не столь очевиден. Ключ к нему — объективные обще- и/или внеисторические критерии признания конкретных явлений и процессов общественной жизни и развития международными.

Сейчас, когда среднее по численности населения государство насчитывает порядка тридцати миллионов человек, а крупнейшие подходят к миллиарду или уже перевалили за него, международные отношения невозможно представить себе как «отношения между народами» в прямом смысле этого понятия. На древнейших же этапах человеческой истории, когда очень крупным считалось государство с населением в несколько десятков тысяч человек, напротив, целые народы вполне могли непосредственно соприкасаться друг с другом и, по-видимому, по крайней мере в некоторых районах Земли делали это достаточно регулярно. Такие контакты должны были возникать при сезонных и иных миграциях, массовых бегствах от стихийных бедствий, при силовых разделах территорий, обменах, просто случайно.

Первым и естественным результатом таких контактов было для каждого народа узнавание других. Соприкасаясь с другими племенами и их отдельными представителями, человек узнавал, что существуют иные языки, боги, ремесла и умения, иные способы существования и образы жизни. Это само по себе оказывалось для него величайшим открытием, духовным и психологическим потрясением. Когда общение с представителями других племен и народов становится постоянным и шок от первого открытия проходит, наступает следующая стадия духовного и психологического развития: узнавание себя. Подобно тому, как отдельно взятый человек узнает цену себе через мнение о себе других людей, так и каждый народ вырабатывает самосознание и самооценку посредством сопоставления своих веры, образа правления и жизни, достижений и неудач с тем, что есть у других народов. Следом наступает стадия осознанных сравнения и самоотождествления (индивидуального и коллективного, этнического). Конкретные элиты и группы начинают задаваться вопросом и как-то отвечать на него: почему они склонны сближаться с одними

народами, отстраняться от других, активно не принимать третьих. Причин выбора много: это и характер, образ жизни «других», род их занятий; их политическое, государственное, иное организационное устройство; боги, которым они поклоняются; близость либо различие языков, и многое другое. Немедленные и отложенные последствия выбора не менее многозначны: принятие новой веры; изменения в общественном устройстве, укладе жизни; войны на поражение и уничтожение «неверных», неугодных, неприятных. И как следствие — исчезновение одних племен и народов, возвышение других, эволюция культур и цивилизаций. Эти процессы повторялись в истории огромное число раз: при в целом возраставшей численности населения, на все более сложных уровнях социально-политической организации народов, их развития, их духовных представлений, при умножении и усложнении критериев индивидуального, группового, этнического самоотождествления.

Центральный с точки зрения рассматриваемой темы социально-исторический итог этих процессов — первый качественный рубеж становления международных отношений как явления: первоначальное разделение всех и всяческих социальных взаимодействий, связей, отношений на внутренние и внешние. Первые не осознавались людьми как таковые, пока постоянные и тесные контакты (любого рода) с внешним миром не заставляли почувствовать и понять разницу между «своим», внутренним, и «чужим», внешним. Наличие этих особых, пра-международных отношений выступает на ранних этапах истории общества одним из важнейших условий становления этнического, а затем и более сложных видов самосознания социума. Отношения между подобными, еще только начинающими осознавать себя социумами, однако, суть именно пра-международные в том смысле, что духовные, физические, прочие границы между внутренним и внешним еще только (а) формируются, (б) постигаются, (в) начинают обозначаться. На этом этапе складывается международная жизнь — комплекс постоянно возобновляемых, все более частых и насыщенных, разнообразных по формам, каналам, целям, функциям связей между этносами/социумами, ранее незнакомыми и еще долго остающимися взаимно «чужими».

Часть отношений внутри этого комплекса носит политический характер, хотя осуществляться может (особенно на наиболее ранних этапах истории) различными субъектами: главами родов, вождями племен, шаманами, колдунами, жрецами; в более поздние времена — священнослужителями. Эта часть образует международную политику, из которой со временем выделяется новая, специфическая ее сфера — политика мировая.

* * *

Второй качественный рубеж становления явления международные отношения связан с возникновением института государства. На этом этапе в конгломерат отношений внутренних и внешних, но равно неформальных, вносится принципиально новый момент: разделение тех

и других на формальные и неформальные при властном утверждении доминирования первых. Как внутри данного социума, так и вовне государство стремится к неограниченной власти. Однако если внутри социума такая цель в принципе достижима, то вовне главным фактором ее недостижимости становится историческая ограниченность доступных государству материальных ресурсов и средств управления. Государство суверенно лишь в тех пределах, в каких оно фактически дееспособно. Поэтому различие между внутренним и внешним обретает принципиально новый смысл: внутреннее — все то, что безусловно подчинено данной власти (напомню: государство здесь еще выступает в древнейших его формах); внешнее — все то, что ей условно неподвластно. С этого рубежа правомерно вести речь уже о появлении собственно международных отношений.

Одновременно складывается и мировая политика: особая сфера силовой по преимуществу борьбы за установление и/или изменение фактических норм, процедур и правил, по которым осуществляются на практике международные отношения каждой конкретной эпохи. Участниками мировой политики выступают лишь крайне узкие слои высшей элиты соответствующих стран и народов, реально располагающие властью в своих странах. Народы результатами своего труда и ратных дел определяют макротенденции и параметры национального и мирового развития, международных отношений. Слой крайне малочисленных верхушек властвующих элит определяет зигзаги мировой политики, «включая» своими действиями одни макротенденции и тормозя, сдерживая, перекрывая другие. «Мировая» эта политика не по географическому и/или социальному ее охвату, но лишь в том смысле, что она служит механизмом поддержания международных отношений своего времени, участия в них конкретных субъектов, использования ими процессов, явлений, фактических промежуточных результатов международных отношений.

Таким образом, следующие условия можно полагать необходимыми и достаточными для признания конкретных общественных отношений в принципе международными (при рассмотрении таких отношений строго в рамках теории международных отношений, без привязки их к конкретным исторической эпохе, периоду, обстоятельствам; без дополнения их политическими, идеологическими, оценочными, иными критериями и т.д.):

первое: наличие, как минимум, двух организационно оформленных, устойчивых в их образах жизни социумов, пра-международные связи которых уже подвели их к объективному формированию и субъективному различению внутреннего и внешнего;

второе: наличие внутри каждого из таких социумов явного и в целом бесспорного, любым образом институционализированного центра власти (духовного или светского; наследного или избираемого; абсолютного или такого, за обладание которым ведется борьба);

третье: наличие между социумами названных типов постоянных взаимодействий любого рода, постепенно перерастающих в устойчивые

связи и отношения, будь то позитивные (обмены, взаимопомощь) или негативные (конфликты, войны, завоевания);

четвертое: поддержание и эволюция таких отношений только и исключительно в сферах (территориальных, идеологических, иных), в которых ни один из участников этих отношений не обладает полной и безусловной фактической властью и/или дееспособностью;

пятое: формирующее воздействие этих связей и отношений на внутренние духовные и материально-практические состояние и развитие соответствующих социумов (тоже позитивное или негативное по его содержанию и социально-историческим последствиям).

* * *

Последующие внутренняя эволюция стран и народов, динамика международных жизни и отношений, мировое развитие в целом шли под определяющим влиянием явления государственности, укрепления и развития института государства. Конкретные государства возникали, рушились; разрастались в колоссальные империи, рассыпавшиеся затем на десятки новых государств. Политические, административные границы государства бывали четкими или расплывчатыми; могли как совпадать, так и глубоко расходиться с этническими, языковыми, религиозными, культурными размежеваниями. Международная жизнь заметно усложнилась, в ней постепенно выделялась особая сфера — межгосударственные отношения, со временем оттеснившие на задний план, подчинившие себе прочие стороны международной жизни.

Одновременно сложились, получили мощное развитие, стали все более значимо влиять на мировое развитие специфические, ранее не существовавшие комплексы социальных взаимодействий: «государство и культура», «государство и цивилизация», «государство и религия (идеология)». Государство могло вобрать в себя несколько культур. Но случалось и наоборот, когда одна и та же цивилизация, культура оказывались представлены несколькими государствами, число которых в определенные периоды могло измеряться десятками.

Особенно сложные отношения возникли между государствами и мировыми религиями (идеологиями) после политического становления последних. Проблема отношений между институтами государства и идеологии (частным случаем которой является религия) — вообще одна из важнейших и интереснейших в истории, особенно в истории международных отношений. Здесь лишь назовем, в порядке гипотезы, следующее. По-видимому, по мере увеличения численности населения и усложнения социальной жизни на определенных рубежах эволюции, когда исчерпываются ранее возникшие общественные формы, именно идеологии (а до того — религии) периодически принадлежит лидирующая роль в выдвигании «моделей будущего». Попытки осуществить такие модели неизменно заканчиваются в прямом, механическом смысле неудачей; политически — отстранением соответствующей религии, идеологии от светской власти. Однако все рациональное, что рождается в ходе этого процесса жизнью, секуляризу-

ется и остается не только в истории, но и в светской практике. При этом все связанные с перечисленным процессы на протяжении длительного времени оказывают определяющее воздействие на международную жизнь и международные отношения своей эпохи (что особенно отчетливо видно на опыте политического становления Европы в многовековой борьбе за лишение Ватикана его светской власти; а также региональной подсистемы международных отношений постсоветского пространства в процессе начавшейся с середины 60-х гг. борьбы за отстранение компартий от светской власти в СССР и странах социализма). Однако при этом отстранение религии от светской власти в историческом масштабе времени чаще всего не лишало ее духовного, политического и общественного влияния, хотя меняло механизмы этого влияния, его формы, каналы и последствия. В международной жизни такие подвижки нередко объективно подготавливали формирование новых крупных цивилизационных комплексов.

Несмотря на войны, эпидемии, голод, прочие бедствия, в целом растет население как отдельных стран, так и регионов, континентов и всей планеты. Одни только межличностные отношения уже давно не могут обеспечить все многообразие потребностей общества в связях и управлении. Рождаются отношения формальные, множатся основанные на них и их осуществляющие структуры. Борьба между государством и церковью как носителем идеологии, с одной стороны, и внутри самого государства — между все более многочисленными элитами за более предсказуемое и надежное распределение власти — с другой, приводят к ограничению режимов личной власти и возникновению различных систем конфедерации, федерации, разделения власти. Это, в свою очередь, мощно стимулирует развитие социальных институтов.

С открытием в конце XVIII в. эпохи буржуазно-демократических революций обозначается третий качественный рубеж становления международных отношений как явления: связанный с появлением нового типа субъектов международных отношений — современных государства и общества, отличительная особенность которых заключается в доминировании во всех сферах их внутренней жизни, в том числе в процессе формирования и осуществления внешней политики такого государства, больших социальных групп (не только этнических, но и профессиональных, социально-политических, экономических, иных) и сложных организационных структур (начиная с монополий в экономике и кончая самим государством).

* * *

Таким образом, с древности и до конца XIX века в практике международных отношений выделяются и для этой практики оказываются исключительно значимы несколько достаточно устойчивых черт общественно-исторического развития всех стран и народов:

— борьба светских и духовных властей за административный контроль над обществом, в историческом масштабе времени привед-

шая в конце концов к повсеместному возвышению светской власти в лице ее специфического института — государства;

— абсолютное доминирование в государственном устройстве различных вариантов режима личной власти, а в повседневной жизни — отношений межличностных (включая малые группы), что делало внешнюю политику такого государства решающим образом зависевшей от крайне узкого круга лиц, их личных интересов, взглядов, часто также и патологий (от психофизиологических до социальных);

— особая роль государства как института, существованием и деятельностью своими зримо и по существу проводящего четкую грань между «внутренним» и «внешним»; а также как основного, если не единственного в этот период субъекта международных отношений, однако с названными выше особенностями;

— практически полное отождествление в политической и научной мысли, в сознании мыслящей части общества международных отношений с межгосударственными, а последних по преимуществу с военными кампаниями и дипломатией (суверен, а следовательно, и государство не снисходили обычно до прямого участия в «чисто» экономических отношениях, предпочитая перекладывать связанный с ними риск на частных лиц);

— доминирование в таком образом складывающейся практике международной жизни и межгосударственных отношений насильственных форм осуществления этих отношений (войны, конфликты, завоевания, порабощения и т.п.) при крайне незначительном удельном весе в них взаимодействий обмена, кооперации, сотрудничества;

— практическая и политическая эффективность насильственных форм международных отношений: они и только они позволяют государственным образованиям удерживать собственные территории и население, приумножать свои владения захватами, эксплуатировать присоединенные или временно контролируемые территории, служат источником авторитета, славы, мифологизации династий, режимов, конкретных деятелей, обеспечивая им тем самым поддержку элит и населения в собственной стране;

— значение внешних связей во внутренней жизни и развитии конкретных государства и общества проявляется также главным образом через сферу насилия: экономически позитивно при удачном завершении военных кампаний (что, однако, не ведет автоматически к позитивным социальным и духовным последствиям) или негативно, когда данная страна становится жертвой военных неудач, поражений. За этими пределами, в обычной повседневности роль внешних связей во внутренней жизни абсолютного большинства стран и народов мала, почти ничтожна, достигая высокой значимости только для государств — имперских метрополий. Однако внешние связи как явление в целом на протяжении истории неуклонно возрастали по общему объему, по участию в них различных стран и народов, по значимости для их непосредственных участников и для мирового развития.

В непрерывной изменчивости международной жизни и факторов, под определяющим влиянием которых складываются и эволюционируют международные отношения, можно выделить три уровня констант. Один — структурный, образуемый исторически накапливающимися слоями качественных перемен в самой международной жизни. Другой — жизнь структуры, «технология» ее собственного функционирования вне связи с социальным, политическим, иным содержанием последнего. И третий — связи и отношения явления со средой, в которой данное явление (международная жизнь) возникло и существует.

Первый уровень образуют четыре класса явлений, исторически вырастающих из международной жизни, определяющих структуру ее и на нее влияющих: международная политика, международные отношения, всемирная история и мировое развитие. Между этими явлениями есть как общее, плоскости соприкосновения, так и глубокие различия.

Международная политика есть часть международной жизни, по содержанию ее ограниченная исключительно политическими явлениями, процессами и проблемами. Она в принципе включает: (а) собственно международные политические отношения определенного исторического периода, осуществляемые соответствующими времени субъектами; (б) все случаи международной политизации проблем, отношений, бывших ранее политическими, но не международными; или международными, но не политическими; (в) все виды международной деятельности, уже утрачивающей, но еще не потерявшей окончательно свой политический характер. Пункты (б) и (в) существенны, поскольку в международной жизни процессы политизации и/или деполитизации отдельных проблем, вопросов могут продолжаться десятилетиями и даже веками. Видимо, международная политика как явление может и будет сохраняться, пока будут существовать «чужие» друг другу социумы, в контактах между которыми будет присутствовать потребность в решении каких-то политических проблем, вопросов, отношений.

Международные отношения (МО) как явление возникают из триединого процесса взаимодействия международной жизни, политики и ведущих для своего времени субъектов последней. На определенном этапе истории из международных выделяются межгосударственные отношения (МГО). Но, подобно тому, как появление мировой политики не отменяет, а обогащает политику международную, возвышение МГО не перечеркивает собой все международные отношения: со временем можно ожидать усиления роли и значения иных их субъектов и компонентов. Как МО, так и МГО по содержанию не ограничиваются только политикой: она, безусловно, важнейшая, но всего лишь одна из сфер МО/МГО. Другие включают международные экономические, военные, иные отношения.

Всемирная история в максимально широком и общем смысле есть вся совокупность жизненного пути, который прошли до настоящего времени населяющие Землю народы: по отдельности и все вместе; в их внутренней жизни, развитии и в отношениях друг с другом; в из-

вестных и неизвестных нам страницах этой истории. В более узком и специальном смысле всемирная история есть та часть общей, родовой истории человечества, начиная с которой мир складывается и функционирует все более как единая целостная система, а не просто как сумма отдельных его частей. Иными словами, это тот, неизбежно относительно более краткий (хотя в абсолютном измерении достаточно продолжительный), период общей истории, на протяжении которого бывшие «медвежьи углы» планеты не просто утрачивают свою былую изолированность, но начинают взаимодействовать регулярно, в постоянно растущих объемах, так что, даже не желая этого, влияют на состояние и развитие друг друга неизбежно и значимо. В любом случае всемирная история производна от международной жизни и ее компонентов; иначе это была бы история отдельных народов и стран.

Мировое развитие — возможный, но не обязательный аспект и продукт истории. В широком его понимании мировое развитие — одновременно те направленность, ход и результат общей и всемирной истории, которые предполагают не просто некоторую совокупность явлений и процессов, не только определенную последовательность, систему этих явлений и процессов во времени, но прежде всего изменение их совокупного качества, равно как внутреннего качества субъектов исторического процесса. Поразительная устойчивость ряда культур во времени означает, что история как последовательность событий и состояний у таких культур есть, истории же как развития нет или ее ход предельно замедлен. Такое положение возможно не только в примитивных, но и достаточно высоких общественных формах: социум по меркам времени может быть развитым, даже высоко-развитым, но не развивающимся. Связь между развитием отдельных стран, государств, регионов и мировым развитием сложна, неоднозначна. Высказываются гипотезы (на наш взгляд, в принципе обоснованные), что все виды развития имеют циклический характер, сочетают циклы различных типов, амплитуд и частот.

* * *

Второй, функционально-технологический уровень констант образуют время, пространство, процесс. Характеристики эти тесно взаимосвязаны и существуют лишь в триединстве.

Явление времени имеет в международной жизни особое значение. Его нельзя путать с фактором времени, также важным, но по природе его субъективным, относящимся к деятельности, намерениям и целям человека, тогда как явление времени по природе объективно. В мировой политике и международных отношениях непосредственно сходятся, накладываясь и влияя друг на друга, явления и процессы самой разной временной природы, протяженности. Здесь и действия личности (главы государства, правительства, партии, движения), преследующей подчас какие-то сугубо преходящие цели (добиться переизбрания, ослабить личного соперника). Здесь и события исторически частные, но имеющие социальное происхождение, значение

(крупные удачи или провалы отдельных партий, движений, начинаний). Здесь процессы, эволюция которых занимает десятилетия и которые сами становятся видимы только по прошествии некоторого, обычно существенного времени (например, вызываемые внутренними причинами эволюционные тенденции роста/ослабления экономического потенциала, социальной и политической жизнеспособности, военных и прочих возможностей отдельных государств, регионов, общественных систем). Еще более долговременны процессы становления/упадка культур, цивилизаций, смены социально-экономических формаций. Их полное развитие занимает века и даже тысячелетия; тем не менее, в любой данный момент такие процессы как-то влияют или способны влиять на течение международной жизни, мировую политику и международные отношения, мировое развитие.

События, процессы, явления международной жизни, сколь бы быстротечны или длительны они ни были, непременно проходят череду своего развития: вызревают из неких предпосылок, обретают зримые формы, достигают кульминации, идут на спад и завершаются и/или переходят в какое-то иное качество. При этом все они не просто имеют начало и конец, в принципе измеримые по часам или календарю (то есть хронологическому времени). Все такие события проходят через некоторую последовательность состояний, определенную самой природой соответствующих явления или процесса: время объективное, какое лишь измеряют созданные человеком системы времяисчисления.

Время-явление (объективное время) суть предельный потенциал возможных состояний системы (живой и неживой), заложенный в ее внутренней природе, исчерпание которого приводит к прекращению функционирования, а тем самым и существования системы. Энтропия системы при ее «жизни» означает не что иное, как расходование заложенного в ней (отведенного ей) времени. Чем определяется этот предельный потенциал и насколько он велик, не столь существенно: даже колоссальный, он все равно конечен. Любая система по природе несет в себе неизбежность собственного завершения. И с этой точки зрения объективное время есть нечто, не имеющее предела вовне и заключающее предел лишь в себе самом, точнее, в природе данной системы. Бесконечность времени — иллюзия, порождаемая тем, что в природе и в общественной жизни одни системы постоянно приходят на смену другим. На самом же деле для исчерпавшей себя системы время прекращается и никогда не возвращается вновь.

В международных отношениях и мировой политике, где явления и процессы имеют самую разную природу и, как следствие этого, на несколько порядков различающиеся потенциалы протяженности во времени, необходимо учитывать модуль продолжительности процесса, определяемый как средняя величина протяженности «типического» процесса данного класса от одной стадии этого процесса до другой либо от начала до конца процесса в целом (в зависимости от того, о процессе какой потенциальной протяженности идет речь). За абсолютный модуль продолжительности принимается период в 30 лет: в демогра-

фии продолжительность активной жизни человека, средняя граница смены поколений. Все, что лежит в пределах этого срока, в принципе поддается предвидению, прогнозированию, влиянию со стороны конкретного человека: ожидаемые результаты наступят (если наступят) в период его активной жизни; человек может как-то ускорить или отсрочить их приход. Все, что превышает абсолютный модуль продолжительности, неподвластно усилиям конкретного человека, принадлежит сфере действия закономерностей социального развития, выступает итогом и средой последнего.

Явление в целом, любые конкретные его формы и частные случаи всегда жестко привязаны к месту, пространству через район, где совершаются действия, происходят события; и через расположение их участников в абсолютной сети координат и относительно друг друга. Пространственные координаты накладывают сильные и значимые ограничения на все стороны человеческой деятельности, особенно в международной жизни, мировой политике и международных отношениях, влияя на военные, экономические, межкультурные и многие иные связи и отношения. Пространство в социальных, включая международные, отношениях характеризуется сочетанием трех его аспектов: физических пределов (территории), социальных масштабов и когнитивных масштабов.

Специфика пространства в том, что у него всегда есть (или в принципе ему могут быть заданы) внешние пределы, сколь бы велики они ни были в абсолютном выражении. Всегда существует или может быть представлена некая граница, которая положит предел данному пространству (но не пространству как явлению), рассечет, искривит его, видоизменит. Если же такая граница почему-либо не возникает, пространство может простираться теоретически бесконечно. Таково понимание явления пространства в физике, математике, философии. В этом смысле пространство есть нечто, не имеющее предела в себе. Ограничить пространство можно только извне него. В политическом плане это означает, что процесс (внутренний, международный; духовный, социальный, экономический, иной), однажды возникнув, непременно будет развиваться в пространстве и во времени, пока не натолкнется на внешние по отношению к нему ограничения или не исчерпает питающие его источники (либо то и другое одновременно).

Политическим пространством называется обычно та сфера жизнедеятельности, которая оказывается фактически включенной, втянутой в реальные политические процессы. Слова «фактически» и «реальные» указывают на то, что при определении политического пространства должны учитываться не только признанные границы государств и союзов, официально утверждаемые пределы данного пространства, но прежде всего все то, что практически охвачено соответствующим процессом. Сравнение фактического политического пространства и его физических пределов с официально признаваемыми может многое сказать о характере данного политического процесса, его протекании, вероятных перспективах, а также об его участниках.

Социальные масштабы политического пространства определяются тем, какие силы активно участвуют в происходящих на данной территории политических процессах или же втянуты в них. Чем больше участников, чем разнообразнее и противоречивее их состав, политическая и практическая значимость каждого из субъектов, его способности и возможности, тем (скорее всего) более сложным и продолжительным окажется данный процесс, тем серьезнее могут быть его последствия. При одинаковых территориальных характеристиках конкретного международного взаимодействия его социальные масштабы могут существенно различаться. Например, сторона, проигрывающая в международном конфликте, нередко идет на втягивание в него ранее не участвовавших сил, рассчитывая повлиять подобным образом на течение и/или исход конфликта в желательном для себя направлении.

Когнитивные масштабы политического пространства определяются идеями и представлениями, находящимися в политическом обороте на этом пространстве. Происхождение и содержание таких воззрений могут варьироваться и взаимосочетаться в широких пределах: табу и мифы, религиозные взгляды и учения, нравственно-этические оценки, социальные доктрины, научные концепции, а также повседневные представления, включая суеверия, предрассудки, псевдотеории, психологические комплексы и их духовные продукты и последствия. В политику по множеству причин выносятся при этом лишь малая, очень специфическая часть имеющегося в обществе в любой данный момент, период набора идей. Благодаря этому все когнитивные компоненты политического пространства международной жизни в принципе могут быть идентифицированы и описаны.

Международная жизнь складывается из некоей последовательности событий. Цепь связей внутри этой последовательности может быть и очень сложной, и предельно простой. Но в любом случае событийный ряд имеет свои причинно-следственные связи, внутреннюю логику и организацию. Конечно, ряд этот не застрахован от случайностей, но в целом последовательность событий, будь то в международной жизни, международных отношениях вообще или в какой-то отдельной их части, никогда не бывает произвольным их набором. Наоборот, между отдельными эпизодами и событиями всегда обнаруживается некоторая взаимосвязь, по-своему закономерная смена состояний «от чего-то к чему-то», позволяющая рассматривать такую последовательность как некоторую целостность.

Такое не произвольное, обнаруживающее внутреннюю логику и закономерности движение некоей сложной совокупности и/или системы явлений от одного их состояния к другому, в ходе которого происходит смена состояний одного и того же объекта и/или системы взаимосвязей, в которую он включен, принято называть процессом. Процесс есть объективное выражение, материализация хода времени. Выявление внутренней логики конкретного процесса международной жизни позволяет в известных пределах прогнозировать его возможную или вероятную эволюцию.

На политическом пространстве, определенном через единство территории, социальных и когнитивных масштабов конкретных политических явлений и тенденций, обычно развиваются, налагаясь и поразному влияя друг на друга, процессы четырех типов:

(1) линейные, равномерно-поступательные (когда на протяжении лет и десятилетий процесс стабильно идет в сторону повышения, сохранения или снижения каких-то основных его параметров);

(2) процессы волнового или циклического характера (особенно выражены они в области национально-страновой и мировой экономики, с разными частотой и амплитудой колебаний, с волнами «правильных» и «неправильных» форм);

(3) процессы стадийной природы (таковы, например, войны и конфликты; жизнь цивилизации, как и жизнь человека с ее отчетливо выраженными качественными этапами);

(4) взрывные процессы, выражающиеся в убыстрении на много порядков протекания данного процесса, от начала и до завершения его, по сравнению с процессами «нормальными», «обычными» (таковы, например, социальные катастрофы и революции).

В международных отношениях крайне существенно различать типы множества одновременно развивающихся, переплетающихся процессов. Линейные регулируются обычно соглашениями, договорами, правовыми нормами, устанавливающими определенные правила соответствующих действий (ведения торговли, обменов и т.п.). Циклические процессы требуют способности своевременно распознавать смену фаз цикла и переходить от одних способов и средств регулирования к другим. Процессы стадийные предъявляют особые требования к реализму политиков, их способности понимать, что возможно, а что в принципе исключено на каждой конкретной стадии процесса. Взрывные же процессы, обычно не поддающиеся никакому регулированию (потому они и взрывные), устраивают экзамен общей готовности политиков и систем, их способности мобилизовываться, дисциплинировать себя, сводить к минимуму неизбежные издержки, эффективно вписываться в новые условия жизни и деятельности.

* * *

Третий уровень констант — связи и отношения явления с его средой — изначально сложился еще на стадии становления международной жизни. Чем сложнее явление и его структура, тем более многообразными и сложными становятся все виды связей и взаимодействий его с внешней для этого явления средой.

Среда международной жизни в принципе включает три категории: природно-физический комплекс, внутренний мир субъектов мировой политики и международных отношений с присущими ему социальными отношениями, и создаваемая человеком сфера его обитания — города, предприятия, инфраструктуры и т.п.

Исторически определяющая роль принадлежала, безусловно, природно-физическому комплексу. Он оснащал человека всем нужным

для жизни и обменов, устанавливал естественные границы владений и ареалов обитания, открывал или блокировал пути торговых, военных, межкультурных связей. Спустя тысячелетия геополитика попытается теоретически осмыслить этот опыт. Внутренний мир субъектов мировой политики и международных отношений веками оставался несложным, особенно учитывая почти личностный характер их государственного устройства и политики. Создаваемая человеком среда обитания им же разрушалась в непрерывных войнах, а затем воссоздавалась вновь почти в прежних ее формах. Казалось, третьему уровню констант международной жизни суждено оставаться малозаметным и малоосознаваемым. Однако XX в. внес к своему завершению поистине революционные перемены в содержание и значение каждой из констант этого уровня — и, как следствие, в международную жизнь, политику, отношения.

Тысячелетия исторической эволюции всех и всяческих обменов и отношений между племенами, народами, странами, культурами привели к возникновению явления международной жизни, сформировали его структуру, базовые компоненты, функционально-технологические внутренние связи, взаимозависимости с внешней для явления средой (природно-физическим комплексом; внутренним миром субъектов международной жизни; создаваемой самим человеком сферой его непосредственного обитания). Возникновение каждого последующего качественного уровня международной жизни вело к ее усложнению, не отменяя уровней исторически более ранних. В итоге сложились три специфических временных и содержательных слоя, каждый из которых представлен в современной международной жизни и влияет на нее.

В реальном масштабе времени, в пределах абсолютного модуля продолжительности, и в конкретных трансграничных взаимодействиях выделяются международная жизнь (все и всяческие взаимодействия за пределами национальных границ вообще), международная политика (вся политическая часть таких взаимодействий) и мировая политика (та часть политической части трансграничных взаимодействий, что имеет в данную эпоху, период мировое значение).

В социальном масштабе времени (до трех абсолютных модулей продолжительности) на основе международной жизни и названных видов трансграничных взаимодействий складываются относительно устойчивые международные отношения, включающие отношения межгосударственные (между особыми суверенными субъектами) и их политическую часть, отливающуюся в определенный, данному периоду присущий международный порядок.

Наконец, в историческом масштабе времени, за пределами жизни трех последовательных поколений людей (более трех абсолютных модулей продолжительности) из конкретных взаимодействий и более длительных, имеющих собственную логику процессов и отношений слагаются всемирная история (вся совокупность событий, явлений и процессов в мире) и мировое развитие (та часть этой совокупности, которая ведет к качественным переменам и выражается в них и по-

тому не распределена поровну во всем мире, но концентрируется, особенно изначально, в некоторых центрах развития).

На протяжении тех же тысячелетий в среде международной жизни минимальной изменчивостью отличался природно-физический комплекс; фактически происходившие в нем перемены вызывались, как правило, природными же причинами, и лишь в отдельных случаях деятельностью человека (вырубка лесов). Центральным и важнейшим звеном эволюции среды международной жизни десятки веков оставались субъекты международной жизни и их внутренний мир. От распада родовых, межплеменных отношений до гражданского общества и политической демократии; от охоты и примитивного земледелия до промышленной революции; от стадного инстинкта до высот науки, культуры, самопознания — вот масштабы этой эволюции, длина ее пути, величие результатов.

XX век, особенно вторая его половина внесли революционные качественные изменения во все аспекты жизнедеятельности человека, ее масштабы, организацию и, как следствие, в международную жизнь. Не менее впечатляющей эволюции подверглись вначале создаваемая человеком среда его обитания, а затем и природно-физический комплекс. Обратное воздействие итогов этой эволюции на международную жизнь и ее основные компоненты еще только начинает проявляться.

* * *

Начало XX в. отмечено становлением четвертого качественного рубежа исторической эволюции явления международной жизни: резким расширением доступных человеку возможностей, масштабов и пределов деятельности (в созидании и в разрушениях). Интернационализация основных направлений, видов жизнедеятельности человека и общества стала с конца XIX в. и формой проявления накопленных изменений, и механизмом их осуществления, и их мощнейшим ускорителем.

Предпосылки этого этапа сложились во многом в сфере и через сферу международной жизни. Колонизация, промышленная революция и перешедшая через некий критический порог концентрация капиталов сделали возможным и потребовали широкомасштабного и возрастающего выхода за пределы страновых рынков, то есть хозяйственного освоения планеты и политического оформления такого освоения. Естественно, названные процессы не распределялись равномерно по миру, но концентрировались в объективно наиболее подготовленных для этого центрах (ведущих державах). Столь же закономерно, что оформление этих тенденций изначально пошло по традиционной для международных жизни и отношений прошлого военной колее.

Интернационализация как явление возникла задолго до XX в., который лишь поднял этот процесс на особый качественный уровень. Следует четко различать интернационализацию как историческую тенденцию и как явление современной международной жизни.

Интернационализация как историческая тенденция послужила материальной первоосновой процессов территориальной, социальной,

хозяйственной, политической интеграции. Роды сливались в племена, затем в народности, народы и нации. Поселения складывались в деревни, городища, города. Территории объединялись (как правило, силой) в княжества, царства, каганаты, империи; слабейшие из них распадались, уступая место лучше организованным и более сильным. Мир стягивался воедино одновременно по трем направлениям: росли, усложнялись и укреплялись внутренне субъекты международных отношений — государства; одновременно нарастали, развиваясь количественно и качественно, все виды прямых непосредственных связей и отношений между этими субъектами; и как следствие всего этого, международные жизнь, политика, отношения тоже развивались, связывая мир в единое целое по своим закономерностям и собственными средствами. Со времени, когда весь земной шар оказался таким образом заселен и поделен, берет начало всемирная история.

Современная интернационализация выражается не только во все большем увеличении объемов и разнообразия международных связей и обменов, распространении их на все новые сферы деятельности (хотя это происходит и важно). Главный качественный признак современной интернационализации в том, что она порождает самостоятельные, устойчивые, существующие и действующие во многом уже автономно от государства формы международных взаимодействий (союзы, соглашения и организации), проявляется в них, формирует целые направления и области деятельности, осуществление которых возможно только при международном сотрудничестве и не иначе. Она приводит к ситуации, когда благополучие и процветание даже экономически ведущих стран начинают решающим образом зависеть от внешних рынков и связей (такая зависимость возникает, когда страна экспортирует более 20% производимого и импортирует более 20% потребляемого ею; десятки стран имеют ныне эти показатели на уровне 35-60%). Иными словами, интернационализация превращает международную сферу в главный источник стимулов и средств развития любых страны, государства.

В свою очередь, в современной интернационализации также надо различать эту интернационализацию как одно из явлений XX в. и практические ее случаи, процессы в различных сферах отношений и деятельности; а в интернационализации практической политические и все прочие аспекты. Ценность проведения подобных различий в том, что они позволяют своевременно выявлять периодически вспыхивающие (и имеющие огромное политическое значение) противоречия между общей направленностью исторической тенденции на исторической же шкале времени, с одной стороны, и реальной динамикой конкретных процессов современного мира, отдельных его регионов, с другой.

Конкретно-практическая интернационализация происходит всегда неравномерно и способна в отдельные, измеряемые годами и двумя-тремя десятилетиями периоды создавать у исследователя, политика или общественного мнения ощущение торможения, стагнации, движения вспять. Подобное впечатление, в свою очередь, может продик-

товать политические решения и поведение, которые уже всерьез затрудняют ход интернационализации, ее развитие в каких-то направлениях или сферах. Меняются средства интернационализации, ее движущие силы: если ныне она идет под влиянием преимущественно экономических и научно-технических причин, то в прошлом чаще двигалась факторами военными, военно-экономическими. Меняются и сферы, где процессы интернационализации проявляют себя наиболее сильно и значимо: с развитием производительных сил, экономических связей, технологий, науки и техники одни из таких сфер теряют значение, прекращают существование, их место занимают новые.

На исторической шкале отсчета времени, однако, колебания и неоднозначность процесса интернационализации, чередование «полос» ее относительно бурных проявлений, интенсивного наращивания ее масштабов и значения с периодами затиший и, внешне, отступлений предстают как в целом естественное протекание циклического по природе процесса. Каждое временное замедление или отступление в динамике и содержании конкретных процессов интернационализации позднее оказывалось периодом закрепления в пределах некоторых территорий, сфер деятельности неких достигнутых ранее тенденций, отношений, итогов. Иными словами, то, что внешне предстает как торможение реальных процессов интернационализации или даже их отбрасывание вспять, на деле является не механическими откатами в целом (хотя нередко может сопровождаться откатами по отдельным параметрам), но периодами закрепления ранее достигнутых сдвигов; и, как правило (но не всегда), обеспечивает внутреннюю консолидацию явления перед началом какого-то нового этапа его развития.

Причины приливно-отливного движения интернационализации — в природе процессов, которые «седлают» она в каждый данный период; и том, что собственные амплитуды и частоты циклов этих процессов различны. Максимальных величин они способны достигать в политике, что связано с особенностями функционирования таких мегамасштабных структур социальной мотивации, как общество и/или крупнейшие его подсистемы. Опыт показывает, что, как правило, объективное (через сложившиеся внутренние, внешние, международные условия) и/или субъективное (намеренными акциями) политическое противодействие интернационализации, чем бы оно ни диктовалось (соображениями безопасности, конкуренции, противостояний, т.п.), рано или поздно сменяется спазматическими приливами интернационализации, которые вызываются как политическими прорывами, так и/или назревшими и императивными экономическими, технологическими, иными причинами.

* * *

В XX в. тенденции интернационализации впервые заявили о себе явлением мировых войн, вскрыв в последующие десятилетия одно из центральных противоречий мира XX столетия: неадекватность военных средств и решений радикально изменявшимся условиям,

характеру надвигавшихся задач. Нараставшая сложность, а позднее целостность и взаимозависимость мира делали цену социальных и международных импровизаций все более высокой, доведя ее к последней четверти века до неприемлемой. Тем самым новая среда международной жизни, еще только формировавшаяся, уже начинала объективно диктовать требования предсказуемости внутренних и международных процессов, максимизации гарантий получения желаемых результатов.

Война — процесс, веками эффективный, в целом оправдывавший себя как политический аргумент, инструмент власти и обогащения. В XX в. ни одна из войн не закончилась так, как желали агрессор или инициатор войны перед ее началом; большинство увенчались итогами, прямо противоположными тем, что ожидалось инициаторами войны.

Так, I-я мировая война привела к краху австро-венгерской, российской, германской монархий; итогами II-й мировой войны стали крах колониализма, утрата великими державами Западной Европы их прежних места и роли в мировой политике. Войны Франции и США в Индокитае, Португалии в ее колониях, СССР в Афганистане не принесли военной победы сторонам, имевшим многократное силовое превосходство, но вызвали болезненные и значительные перемены во внутренней жизни этих государств. Подобных итогов не предвидели, не хотели и не могли хотеть политические силы и государственные деятели, непосредственно принимавшие решения о начале войн.

В международной жизни, более чем где-либо, необходимо видеть различия между происходящими в мире процессами, их результатами, последствиями и итогами. Процесс, его системные (закономерные, неслучайные) итоги (последствия немедленные, зримые, измеряемые на определенный момент времени) и последствия (отложенные, более долговременные и не всегда однозначные следствия) объективны. Отношение людей, социально-политических сил, государств к итогам и последствиям неизбежно субъективно. Результат же есть следствие продвижения к осознанно преследуемой цели. Поэтому результат процесса, в том числе войны, есть субъективная оценка объективных политических, экономических, иных последствий данного процесса с позиций интересов, устремлений, меры одержанного успеха тех или иных социально-политических сил, структур, субъектов международных отношений.

При достаточно протяженных войнах промежуточные последствия и итоги часто резко расходятся с окончательными, краткосрочные — со средне- и долгосрочными. Войнам, особенно масштаба мировых, предшествуют годы и десятилетия подготовки. На протяжении этапов вызревания, начала, ведения и завершения войны, политического оформления ее итогов интересы и цели участников меняются, иногда неоднократно. При некоторых условиях субъекту могут навязываться такие задачи, цели, понимания интересов, которые сам он не выбрал бы, постарался избежать, не предвидел на

ранних фазах процесса. В обстановке войны, (пред)военного времени цели и задачи страны формулируются и отстаиваются гораздо жестче, чем в условиях мира. Война беспощадно выявляет реальные, действительные устремления и возможности ее участников. В мирной жизни все это, как правило, бывает «размыто»: процесс нормальной мирной международной жизни значительно более масштабен, всеобъемлющ, многозначен, нежели война. Современная война небывало капиталоемка и разрушительна даже при ведении ее неэкзотическими техническими средствами. Но гарантии желаемого исхода (за пределами отдельных операций) она не дает и дать не может. Вот почему войны конца XX в. начинают тяготеть к ограниченным военным операциям прогнозируемых и управляемых масштабов (типа операций «по принуждению к миру»).

На протяжении последнего полувека впервые в истории сложился также комплекс специализированных и прикладных наук и дисциплин, сделавших международные отношения, другие общественные отношения объектом и предметом исследований. Наука прочно утвердилась как профессиональный, социальный и политический институт, стала неотъемлемой частью системы принятия государственных, политических, военных и иных стратегических (например, корпоративных) решений, как минимум, в наиболее развитой части мира. Фактически место науки в политике и деятельности государства является ныне одним из ключевых факторов и показателей принадлежности страны к числу тех наиболее развитых государств, что определяют направленность, тенденции и темпы всей международной жизни. Под воздействием перечисленного происходят значимая эволюция взглядов на важнейшие проблемы международной и внутренней жизни и, как следствие, эволюция политической практики.

Принципиально важный вывод, обретенный на опыте прежде всего войн XX столетия, заключается в том, что последствия и итоги, складывающиеся в разных сферах и областях международной жизни в определенный период или к определенному рубежу, носят неизменно промежуточный характер. Такие итоги непременно изменятся, вопрос лишь, когда, как это произойдет, на каких конкретных направлениях обозначатся новые тенденции. Отныне более чем когда-либо хорошая позиция, которую со временем можно развить в стратегические преимущества, становится в международной жизни и политике гораздо ценнее, особенно с учетом перспективы, нежели получение крупного, но разового выигрыша. Создание, удержание, развитие таких позиций возможны только в контролируемой среде (которой требуют также и экономика, инфраструктуры, технические, информационные системы). Война такую среду не создает, но разрушает. Потребность же в этой среде существенно меняет психологию соответствующих субъектов международных отношений.

В центре новой психологии ведущих субъектов международных отношений — отказ от идеи и цели статус-кво в международных и внутренних отношениях, замена ее идей и целями направляемых и

контролируемых перемен (orderly change). Попытки зафиксировать статус-кво, сохранять его любой ценой приводят рано или поздно, но неизбежно к взрыву и катастрофе, что блестяще доказано опытом Священного Союза в XIX — начале XX в. и Союза ССР под занавес XX в. Опыт цеплявшихся за статус-кво имперских стран Европы оказался и во внутреннем, и в международном планах столь же катастрофическим, как и попытка коммунизма «великим скачком» обогнать Историю и построить некий идеальный, но основанный также на статус-кво (лишь содержательно ином) мир в отдельной стране и во всем мире. Коль скоро перемен в любом случае не избежать, целесообразно стремиться их направлять, а иногда и подстегивать, форсировать, инициировать. Бесспорно, со временем и этот подход принесет в международные отношения свои проблемы.

Другой принципиально важный вывод касается изменившегося под влиянием экономических теории и практики отношения к кризису вообще, социальным и международным кризисам в частности. Явление кризиса рассматривается не как признак надвигающейся катастрофы (от которой необходимо спастись как можно скорее любой ценой), а как нормальная, неизбежная, при разумном, ответственном отношении к ней — полезная и необходимая фаза циклического процесса, будь то в экономике, социально-политической или международной сферах. Кризис закладывает предпосылки последующих перемен, витков роста, эволюции, развития. Без таких предпосылок очередная циклическая фаза процесса наступить не может; следовательно, явление кризиса (сопряженное с рисками) объективно выполняет важнейшую функцию открытия пути к переменам (в том числе желаемым и контролируемым) и выведения эволюции на этот путь. Тем самым международный кризис при условии его контролируемости становится (может стать) одним из важнейших средств направляемого развития мировой политики, международных отношений. История XX в. «вылеплена» кризисами — от национально-страновых революций до мировых войн и распада СССР. Функции и роль кризиса объективны, нужно лишь освоиться с ними в международной жизни так же, как это давно сделано в экономике (в этом прежде всего смысле и говорят об «управлении кризисами»).

Еще один практически и научно значимый вывод из опыта войн и социальных потрясений XX в. связан с предыдущим и состоит в том, что для оказания серьезного, устойчивого, надежного по получаемым результатам воздействия на крупные и крупнейшие социальные, иные процессы, их направления в желаемое русло, для управления ими в такие процессы необходимо эффективно включаться, а не стремиться оставаться от них в стороне. Международная (и иная) стабильность возможна лишь как прогнозируемый процесс направляемых и ожидаемых перемен и только для участников таких перемен; для всех остальных подобный процесс может выглядеть стабильным лишь в смысле их постоянного аутсайдерства. Самоисключение из международной жизни и важнейших ее процессов возможно

только ценой утраты роли, веса, места страны в мировых экономике, политике, развитии.

Особый теоретический и практический интерес представляют те случаи и периоды, когда большое число разнохарактерных процессов, взаимоналагаясь и многократно усиливая друг друга и производимый совокупный эффект, порождают явления своеобразного исторического и/или социально-политического резонанса. Внешне это выражается в том, что неожиданно для современников на территории отдельного государства, группы стран, региона, мира в целом наступает полоса необычайно крупных по масштабам, глубине и значению, интенсивных, быстротечных перемен — иногда в сторону расцвета и благополучия, иногда в сторону провалов, потрясений, кризисов. Формы таких перемен многообразны: от гражданских войн, революций до миграций, промышленных и технологических переворотов. Природа и механизмы подобных социальных резонансов теоретически пока изучены крайне слабо. Но именно в эти, обычно весьма непродолжительные периоды происходит взрывоподобное становление нового качества глобальной и/или региональных систем международных отношений, другие принципиального значения и весомых долговременных последствий сдвиги в международной жизни.

* * *

Во второй половине XX в. возникает качественно новое явление международной жизни — глобализация. Суть его — в обретении отдельными государствами, другими субъектами международной жизни и отношений возможностей и потребностей осуществлять какие-то или все основные функции своей жизнедеятельности в масштабах земного шара (территориально), мировой экономики и политики. В последний из проявлений и следствий глобализации стало с конца 60-х гг. явление сверхдержавности: появление в одной или нескольких областях, направлениях глобальной деятельности государств, по их потенциалу и возможностям на порядок и более опережающих в этих сферах ближайших конкурентов. Изначально сверхдержавность заявила о себе в военной сфере — в ракетно-ядерной конфронтации СССР-США. Однако с распадом СССР правомерно ожидать распространения явления сверхдержавности на другие области, прежде всего на экономику, финансы, социальные и технологические нововведения.

Интернационализация и глобализация тесно взаимосвязаны, во многом взаимообусловлены, но не тождественны друг другу. Первая предполагает выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки; или же объединение действий нескольких субъектов мировой экономики, политики вокруг общих задачи, цели, вида деятельности, предприятия. Интернационализация не универсальна по охватываемым субъектам и пространству, не обязательно вовлекает всех или почти всех участников международной жизни. В каких-то случаях она может достигать (и достигала) подобных масштабов. Но гораздо

чаще и намного эффективнее она происходит на региональном уровне и/или в приложении к отдельным сферам, видам, направлениям деятельности. Конкретный ее случай по типу и характеру участников, по видам и объемам их деятельности может иметь сугубо локальное значение и оставаться практически незамеченным в международных отношениях; тем не менее, он тоже будет одним из множества проявлений процесса интернационализации.

Глобализация в качестве главного ее признака предполагает выход какой-то проблемы или деятельности непременно на глобальный (общемировой) уровень. При этом такая деятельность не обязательно должна быть интернациональной по составу участников. Она может осуществляться одной страной, организацией, фирмой (при условии, что те располагают для этого соответствующими возможностями). В таких случаях обычно говорят о глобальных державе, политике.

Явление интернационализации существует на всем протяжении истории человечества. Меняются его конкретные формы, направления, сферы, масштабы, последствия. Но сама интернационализация (выход неких процессов за изначально внутривосточные их рамки) остается. Явление же глобализации возникло только во второй половине XX в. Интернационализация не приводит к размытию, исчезновению ее участников (хотя способна со временем приводить к изменениям отдельных значимых их характеристик и признаков). В исторической перспективе она порождает новые, более сложные формы общественной организации, как внутренние, так и международные. Долговременные последствия процессов и явления глобализации с этой точки зрения пока неясны. Интернационализация создает новые центры влияния, координации, регулирования; множит источники силы и власти; в ней заключено мощное демократизирующее начало. Глобализация несет начала централизации, подчинения, авторитаризма. В совокупности два явления отражают противоречивую природу современных экономики и политики, объективно требующих сочетания и взаимодополнения авторитаризма и демократии (а не выбора в пользу чего-то одного) и всегда заключающих в себе гены того и другого.

* * *

Интернационализация всех сторон жизнедеятельности человека и общества имела последствия, выходящие далеко за рамки традиционно рассматриваемых в связи с ней экономических отношений. В самом общем виде перемены эти можно просуммировать следующим образом.

1. Начавшаяся еще в XIX в. промышленная и развернувшаяся с рубежа 60-х годов XX столетия научно-техническая революции не просто открыли перед человеком невиданные возможности прогресса и достойной жизни. Становится все очевиднее, что главный итог обеих революций — создание к рубежу III-го тысячелетия искусственной среды обитания человека — техносферы, опирающейся на современные отрасли науки, промышленности, инфраструктуры, формы производства и распределения. Техносфера в процессе своего

функционирования все более выходит за исторически сформировавшиеся политические и административные государственные границы, интегрируя хозяйство, коммуникации, инфра- и организационные структуры различных стран.

2. Техносфера втягивает в оборот беспрецедентные территории, массы людей и материальные ресурсы. Она не может существовать без ежедневного «питания» ее огромными объемами энергии, информации, сырья; строгого соблюдения технологий материального производства и функционирования общества в целом, включая его политические и государственные структуры. Серьезный сбой в одном из звеньев цепи рождает шлейф последствий в системе в целом, подчас крайне далеко (социально, структурно, географически) от точки начального сбоя.

3. На этой основе формируется все более взаимозависимый и целостный мир, причем особенно ускоренно в последние 20-25 лет. Целостность не означает ни гармоничности этого мира (в нем крайне много противоречий); ни того, будто он управляется (или должен управляться) из некоего единого центра (это пока технически невозможно, не говоря о препятствиях ценностного и политического плана). Целостность мира в том, что взаимодействия в нем приняли системный характер, когда мало-мальски серьезные сдвиги в одной части мира неизбежно дают отзвук в других его частях, независимо от воли, намерений участников таких процессов. Еще в начале XX в. мир был иным: кризисы, катастрофы, войны в одних его частях могли оставаться без последствий и незамеченными в других.

4. Наиболее развитые в промышленном и иных отношениях страны и регионы, объективно выполняющие роль центров жизнедеятельности современного человечества (Европа, Северная Америка, Япония) даже при желании не могли бы вернуться к традиционному хозяйствованию и образу жизни («переехать из города в деревню») без тяжелейших для себя социальных последствий: для этого там просто нет свободных территорий и ресурсов. Поэтому вокруг центров техносферы начинают объективно складываться концентрические круги стран и регионов, выполняющих по отношению к ней функции поддержки и обеспечения энергией, сырьем, кадрами; зоны, в которые выносятся вредные или сопряженные с перемещением особенно больших масс производства. За этими пределами лежат пространства, техносфере (пока?) не нужные, не имеющие непосредственного значения для ее функционирования.

5. Техносфера объективно требует отказа от архаических форм, средств и методов регулирования социальной жизни в пользу научно обоснованных рациональных критериев управления, развитой системы обратных связей, высокого профессионализма исполнителей. Однако, сталкиваясь с исторически сложившейся системой социальных связей, отношений и интересов, эти требования находят выход и выражение в унаследованных в основном от прошлого общественно-политических и идеологических когнитивных системах. Во внутренней

жизни стран распад авторитарных форм, вытеснение их политической демократией, автономиями и самоуправлением, сами по себе прогрессивные, часто объективно открывают пути усилению сил консерватизма и реакции. В международной жизни этот же по сути процесс выразился в распаде колониализма, утверждении политического и правового равноправия народов и государств, в образовании системы международных органов и организаций, регулирующих различные стороны отношений между государствами, другими субъектами мировой экономики и политики. В целом как во внутренней, так и в международной жизни политика как стихийное столкновение социально-исторических сил все заметнее теснится началами сознательного, целенаправленного, рационального регулирования, основанного на праве, институциях и знаниях, пока при доминировании в них консервативного социального содержания.

6. Относительная нормализация повседневных условий жизни, ограничение масштабов и вытеснение крайних форм насилия, успехи сельского хозяйства, медицины, социальных программ (в том числе международных) привели к резкому росту численности населения. За последние 40 лет суммарный прирост населения Земли был таким же, как за предшествующие 500000 лет. Не всегда осознается, что выживание и тем более благополучие и развитие человечества напрямую зависят от стабильного, социально эффективного в мировых масштабах функционирования техносферы. В определенном смысле ее центры (промышленно развитые страны) принадлежат уже не только себе, но всему миру. Это означает, что современное человечество физически не сможет выжить, полагаясь лишь на стихийные механизмы регулирования социально-исторического процесса, центральных его направлений и компонентов: ни при эгоистическом использовании техносферы лишь в интересах «золотого миллиарда», ни в случае ее революционного и/или техногенного (само)разрушения. Техносфера — основа выживания всей планеты, возможного лишь через сохранение, укрепление, развитие, повышение эффективности техносферы и всех механизмов регулирования, включая международные.

7. Вопреки всем войнам, революциям, конфронтациям (во многом диалектически благодаря им) международные отношения на протяжении XX в. обнаруживали устойчивую тенденцию все более превращаться в особую область регулируемых общественных отношений: единственную, субъектами в которой выступают сложные социальные образования, обладающие собственной внутренней организацией и структурой. От создания Версальской системы, через Лигу Наций, ООН, комплекс международных финансовых (МВФ, ВБ, МБРР, ЕБРР) и экономических (ГАТТ/ВТО) институций, региональные структуры (ЕЭС/ЕС, ОБСЕ, ЛАГ, ОАЕ и др.) до неформальных «клубов» и G7 возрастала регулятивная компонента мировой политики и международных отношений. Содержание мировой политики и международных отношений все более перемещается со стихийной борьбы, основанной на праве сильного, к функциям координации,

согласования, а для этого — к отказу от исключительно военно-силовых форм и средств и их постепенному дополнению и замещению нормами международного права, функциями и процедурами международных организаций, неформальными договоренностями на высшем уровне.

8. Однако в целом регулятивный потенциал современных международных отношений все более отстает от потребного. Прекращение конфронтации, избавление от угрозы глобальной ракетно-ядерной войны с особой силой выявили практически почти полное отсутствие в современном мире надежных, эффективных и демократических международных механизмов, способных обеспечивать силовое (при необходимости) поддержание принятого регионального и международного порядка, динамическую стабильность международной жизни, направляемый и контролируемый ход перемен. Олигархический характер мирового порядка конца XX в. со временем чреват возможностью серьезных дестабилизирующих последствий. Пока неясно, в какой степени «полюса» многополярного мира готовы будут пойти на налаживание действительно демократических институтов регулирования международной жизни и получают в этом поддержку иных слоев мирового сообщества. Современный акцент на темах отделения, самоопределения, суверенитета и т.п. делает вероятной опасность того, что отставание регулятивного потенциала международных отношений от потребностей в объективно необходимом регулировании может в обозримом будущем (в перспективе до 15-20 лет) стать одной из центральных угроз международной стабильности и выживанию человека.

9. В результате создания техносферы и под ее воздействием масштабы хозяйственной и иной деятельности человека стали таковы, что уже оказывают огромное разрушительное воздействие на природу. Долговременные последствия этого неясны, но тревожны. Техносфера вовлекает в оборот такое количество материальных ресурсов, в том числе невозобновляемых или возобновляемых чрезвычайно медленно, что уже в 2010-2050 гг. человечество может испытать нехватку ряда жизненно необходимых ресурсов. Человек впервые вынужден осознать, что Земля есть космический корабль, потенциал жизни (отведенное время) на котором небеспредель, и надо думать о рациональном их расходовании и о будущем, которое неизбежно потребует широкого хозяйственного выхода человечества в Мировой океан и в космос.

10. Идеология устойчивого развития (sustainable development) привлекательна по целям и как идеал, но (как и всякая идеология) неопределенна по путям и средствам достижения поставленных целей. Она — первый ответ мирового сообщества на бесспорный и пугающий факт резкого и глубокого дестабилизирующего воздействия человека на природно-физический комплекс. Вместе с тем, уже сейчас очевидно и в целом признано, что возврат к прежнему экологическому балансу невозможен, а установление нового потребует в качестве условия и предпосылки коренных перемен не только в технологиях,

но и образе жизни, социальных ожиданиях, во всем устройстве общества и мира. В обозримом будущем мировая политика и международные отношения станут ареной политических столкновений по проблемам, вызываемым к жизни растущими масштабами последствий влияния всей деятельности человека на природно-физический комплекс.

* * *

Все перечисленное — не завершившиеся процессы, но более или менее проявившиеся тенденции. Развиваясь циклически, со многими взлетами и падениями, они, однако, уже рожают собственные итоги и последствия, оказывают растущее влияние на характер и динамику мировой политики и международных отношений конца XX — начала XXI в. Можно выделить, как минимум, семь групп такого рода последствий для международной жизни.

Первая — принципиальное изменение значения международной сферы для внутреннего развития государств и народов и, в итоге, глубокая эволюция связей между внутренней жизнью государства, общества и факторами, влияющими на страну и ее развитие извне. На ранних этапах истории участие в международной жизни было необязательным дополнением к жизни внутренней. Войны, агрессии могли существенно помешать внутреннему развитию. Но за этими пределами внешние причины редко выступали постоянным и значимым фактором внутренней жизни, эволюции. Десятки племен, народов и стран существовали в (почти) полной изоляции от внешнего мира, обходясь внутренними ресурсами и добываясь при этом неплохих для своего времени результатов. Так продолжалось веками.

К заключительной трети XX в. сложилось принципиально новое положение: ни одна страна не имеет и не может иметь серьезных перспектив развития, не участвуя активным образом в международных материальных, информационных и культурных обменах. Более того, ни одно из наиболее развитых государств не смогло бы сохранить достигнутые уровень, качество и образ жизни, социальную и политическую стабильность, место и вес в международной жизни, не участвуя энергично и эффективно в процессах интернационализации. Мир конца XX в. характеризуется насыщенной, плотной структурой трансграничных связей практически во всех областях, прежде всего, в имеющих ключевое значение для современных экономики, финансов, информации, технологии, науки и техники, культуры. Конечно, в нем возможны отдельные исключительные случаи национального прогресса в условиях кризиса внешней среды и, напротив, застоя и упадка данной страны при в целом восходящем развитии региона, мира. Но на статистически значимом уровне для абсолютного большинства земель и государств развитие собственных стран уже стало возможным и достижимо лишь через их включенность в мировое развитие.

Вторая группа — возрождение и качественное развитие явления международной жизни. Международные отношения не утратили исторически сформировавшихся основных их черт. По-прежнему веду-

щее место занимают отношения межгосударственные (единственные, субъекты которых суверенны), а в них политические и политико-экономические. Как и прежде, важны факторы силы. К военным ее сторонам добавились невоенные (финансовые, экономические, научно-технические, информационные); технология использования силы существенно усложнилась сообразно условиям современного мира и задачам, какие он ставит перед политикой. Но характерное для европоцентристских международных отношений XVIII — первой половины XX в. засилье отношений межгосударственных, надолго подавивших иные формы и уровни международной жизни/мировой политики/международных отношений, все заметнее отходит в прошлое (что дало основания ряду авторов с рубежа 70-х гг. говорить о кризисе государства как социального института и субъекта международных отношений). Возродившиеся в новом качестве и/или впервые возникшие многочисленные новые явления и процессы все заметнее выступают как определяющие по отношению к международным отношениям и мировой политике, международной жизни в целом и внутренней сфере государств. Международная жизнь, сводившаяся некогда к прямым межродовым, межплеменным, межэтническим обменам, начиная со второй половины XX в. бурно развивается в небывалом диапазоне сфер, направлений деятельности, составе участников.

Третья — складывающаяся в заключительной трети XX в. новое, более сложное разграничение общественных явлений, процессов и отношений на внутренние, внешние и международные. Граница между внутренним и международным пролегла в соответствии с видимыми и потому понятными критериями. Вычленение из этого конгломерата внешнего требует обращения к такому особому структурообразующему признаку, как суверенитет.

Суверенитет — политическое и властное верховенство, носящее в пределах данного исторически сложившегося социума абсолютный характер. Понятие ведет происхождение от «суверен» — в Европе средневековья властелин, никому не обязанный своими владениями (добившийся их сам либо получивший по наследству, но не в порядке дара или награды от вышестоящего). Такое верховенство означает, что обладающая им власть — высшая на данной территории и/или по отношению к данному населению. В этих пределах власть свободна управлять, повелевать, принимать решения, не подчиняясь никому и ничему кроме того, что установит для себя сама. Все остальные властные структуры данных территории и социума являются низшими по отношению к высшей и обязаны подчиняться ей. Попытки внешних сил вмешаться в дела данной власти (в пределах ее территории и социума), а также ликвидировать данный суверенитет, сместить саму власть (идут ли они изнутри или извне страны) рассматриваются как враждебные акты, на которые власть вправе ответить, как сочтет нужным. По признаку суверенитета внутреннее — то, что фактически является объектом высшей власти суверена, будь то монарха или государства; внешнее — то, что под такую власть не подпадает;

международное — то, что не подпадает под власть ни одного из суверенов. Последнее с ростом числа международных организаций, субъектов международной жизни и мировой политики увеличивается количественно и по диапазону.

Четвертая — энергичное возвращение явления мировой политики в новом составе субъектов. Многообразие и интенсивность международной жизни и ее политических компонентов требуют политического оформления, тем более что в ней действует множество разнородных субъектов. Уже давно нормой стали «интернационалы» идеологически родственных политических партий, международные объединения профсоюзов, разных политических, идеологических, религиозных течений. Своя традиция сложилась у ООН, международных организаций межправительственного характера. Все чаще в мир выходят с политическими вопросами, инициативами неполитические международные объединения. Субъекты мировой политики по-своему строят отношения (от сотрудничества до конфликтов) с государствами. Конец XX в. отмечен также становлением единого мирового информационного пространства. Политика, политическая жизнь могут развиваться лишь в тех пределах, где есть общность информационного поля: иначе невозможны ни политические, ни иные отношения между субъектами. Но и наоборот: расширение целостного информационного пространства неизбежно тянет за собой политику, увеличивает потребности в ней, практические пределы и возможности ее функционирования. Взлом (с приходом в конце 60-х гг. эпохи компьютеризации и электронных СМИ) былой монополии власти на информацию распаивает государства и общества влияниям внешнего мира. Повседневной практикой стало обращение внутренних сил к использованию внешней политической, моральной, практической поддержки, что дополнительно стимулирует развитие мировой политики, усиление ее роли и влияния в международных и во внутренних делах. Мировая политика становится во второй половине XX в. ареной и важнейшим средством гуманизации государства как социального института, его превращения из силы, господствующей над населением и обществом, в силу, призванную им служить. Если в итоге государство перестанет выступать лишь орудием элит, это повлечет новые глубокие сдвиги в международной жизни и межгосударственных отношениях.

Пятая группа — новая мировая политика в условиях все более целостного, взаимосвязанного мира объективно трансформирует былую среду международной жизни в неотъемлемую составную часть процесса и организации жизнедеятельности человечества, в сферу внутреннюю по отношению к единому, целостному и взаимозависимому миру. Тем самым обнаруживается и подтверждается суть международной жизни и международных отношений как особого, исторической протяженности процесса трансформации ранее «чужих», разобщенных между собой социально-территориальных систем (от рода до государства) в нечто по социальному качеству более масштабное, сложное, высокоорганизованное и цельное. Такое нечто не должно

быть единым в политико-административном смысле; но требует общих компонентов политических психологии, сознания, культуры, чтобы оказалось возможным и необходимым поддержание такого единства в повседневности и на макрошкале времени. Наличие международных структур, выполняющих информационно-координирующие и регулятивные функции, доказывает, что соответствующие отношения в мире и/или его части достигли объема, уровня, значения, когда такие функции необходимы; открывает новые возможности для дальнейшего развития связей, отношений. Одно из последствий — формирование и развитие стабильных структур международных отношений: плотной сети связей, норм, отношений, институтов и процедур (политических и иных), уже автономных от конкретных государств и правительств, давно ставших данностью, не считаться с которой все более затруднительно.

Шестая группа — цикличность описываемых процессов, которые развиваются, как правило, через внутривосточный сепаратизм и международный регионализм. Один из парадоксов такого развития — появление «суверенитетов внутри суверенитетов» (бывшие союзные республики в составе СССР, Бавария в Германии, некоторые субъекты РФ). Объективно ускоряя эрозию суверенитета — «священной коровы» внутренней и международной политики — эти процессы подготавливают неизбежное в XXI в. ниспровержение государства с пьедестала его социально-политической и правовой исключительности, перевод в ранг корпорации по управлению социально-территориальной системой.

Седьмая группа последствий сопряжена с исподволь объективно назревающей на протяжении уже нескольких десятилетий потребностью в постепенном «вытягивании» и налаживании «вертикали» органов самоуправления, управления и координации от уровня крупных внутривосточных регионов (штаты, провинции, земли) до регионов международных и до глобального уровня в целом. Такая структура — не замена государств и межгосударственных отношений, а дополнение к функциям и роли того и другого. В какой мере подобные процессы могут и будут сопровождаться появлением политических и/или иных самоидентификаций на уровне цивилизаций — вопрос открытый, как и то, приведут ли цивилизационные самоидентификации (если они будут иметь место) к каким-либо межцивилизационным трениям, проблемам, столкновениям. Но в любом случае институт государства как рубеж разграничения внутренних, внешних и международных процессов будет испытывать нарастающие по силе и масштабам вызовы традиционной интерпретации своей роли; а межгосударственные отношения, теряя свободу взаимодействий по законам «дикого поля», станут все более трансформироваться в регионально-и глобально-внутрисистемные, не достигая еще при этом плотности и интенсивности внутривосточных.

По-видимому, международные отношения как «дикое поле» смогут возродиться вновь лишь при теоретически допустимых столкно-

вении с внеземными цивилизациями и/или в случае политического отмежевания от Земли развитых инопланетных поселений землян — перспектива в любом случае весьма неблизкая.

По данной теме может быть рекомендована следующая литература:

- Артемов В.А.* Социальное время. Новосибирск, 1987;
Бродель Ф. Время мира. (Материальная цивилизация и капитализм. Т. 3.) М., 1992;
Бурдые П. Физическое и социальное пространство. М., 1993;
Введение в теорию международных отношений. Учебное пособие / Отв. ред. А.С.Манькин. М., 2001;
Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западноевропейской мысли. М., 1967;
Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. № 7;
Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979;
Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997;
Серов Н.К. Процессы и мера времени. Проблемы методологии структурно-диахронического исследования в современной науке. Л., 1974;
Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И.Гантман. М., 1984;
Цыганков П.А. Теория международных отношений / Учебное пособие. М., 2002;
Чешков М.А. Развивающийся мир и пост-тоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. М., 1994;
Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981;
Banks M., Shaw M. (eds) State and Society in International Relations. L.; N.Y., 1991;
Cox R.W. Production, Power and World Order. Social Forces in the Making of History. N.Y., 1987;
Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1993;
Giddens A. The Constitution of Society. An Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984; Chicago, 1990;
Goldstein J.S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven; L.; 1988;
Huntington S. The Clash of Civilizations and the Restructuring of World Order. N.Y.; 1996;
Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1987;
Linklater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations. L.; N.Y., 1990;
Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle, 1986; Wash., 1987;
Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990;

Singer D., Small M. The Wages of War, 1816-1965. A Statistical Handbook. N.Y., 1972;

Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System. Cambridge and N.Y.; 1991;

Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.; L., 1974;

Wallerstein I. The Modern World System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy 1600-1750. N.Y.; L., 1980;

Wallerstein I. The Modern World System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World Economy 1730—1840s. San Diego, 1989.